

Гибель храма

Владимир Козлов

Наступил год 1931-й. Этот четырнадцатый год невиданного в мировой истории эксперимента принес России великие страдания. Набирала силу политическая истерия, подогреваемая очередными громкими процессами, речами и статьями кремлевского горца, вставшего над огромной державой. В этой обстановке работы по охране памятников сворачивались, и лишь архитекторы-реставраторы из ЦГРМ, специалисты из АИМК пытались дать отпор отечественным варварам, готовым приступить к строительству химерной Красной столицы.

В 1931 году Москва потеряла выдающийся памятник — двухшатровые Воскресенские (Иверские) ворота Китай-города на Красной площади. В 1931–1932 годах было закрыто около ста московских храмов, начался снос известных московских церквей: Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове, Никола Чудотворца в Воробине, Стефана за

Яузой, Троицы в Зубове, Святителя Николая в Плотниках, Пимена в Пименовском переулке. Но, конечно же, самой тяжелой утратой 1931 года стала гибель храма Христа Спасителя. История разрушения этого величественного храма-памятника чрезвычайно символична. Иногда кажется, что Господь испытывал глубину падения России. Безрассудная упоенность ее граждан своим всеилием и презрительная неблагодарность Творцу, покровительствовавшему некогда боголюбивой России, с разрушением главного храма страны достигла апогея.

Ровно шесть десятилетий отделяют нас от этого святотатственного деяния, но тема храма, в которой соединилось раскаяние за совершенное и желание искупить грех воссозданием собора, все больше овладевает нашим трезвеющим обществом. В память каждого из нас врезались часто демонстрируемые в последнее время по

Последние месяцы жизни храма

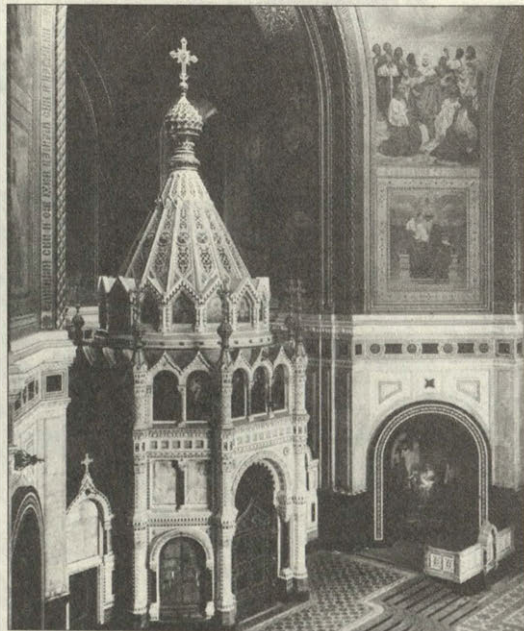
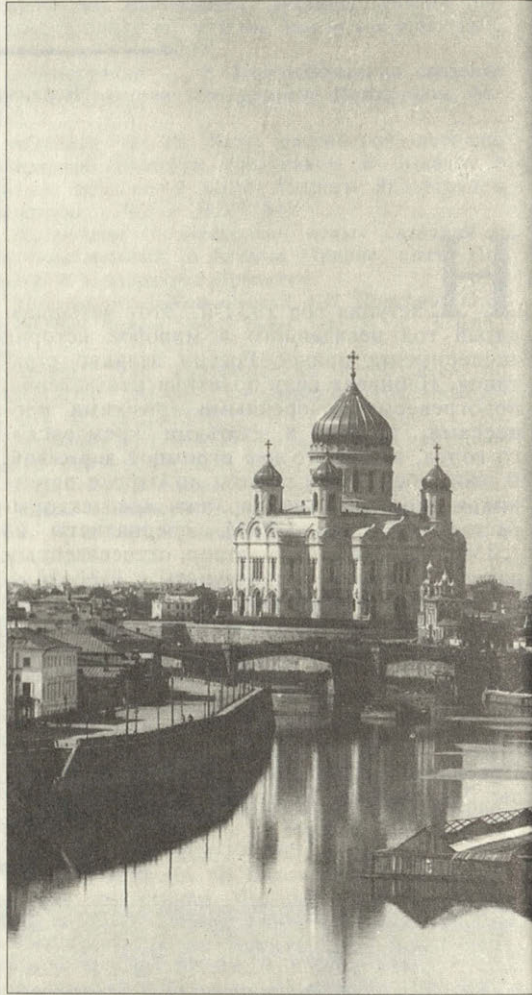

телевидению кадры кинохроники: клубы пыли над падающим храмом Христа Спасителя. Немало статей написано о страшном взрыве, прогремевшем на исходе 1931 года, опубликованы свидетельства очевидцев. Но, к сожалению, до сих пор почти ничего не известно о послереволюционной судьбе этого грандиозного храма России. Между тем предыстория его гибели символична и поучительна. Попробуем воссоздать цепочку событий, обратившись к архивным документам.

Храм Христа Спасителя и в трагические годы революции продолжал оставаться главным среди московских церквей. Именно в нем в августе 1917-го прошло несколько заседаний Поместного собора, который, как предполагалось, должен был открыть новую главу в истории Русской Православной Церкви. Здесь же в ноябре состоялись выборы патриарха Всея Руси. Почти одновременно с этим событием в храме Христа Спасителя была совершена панихида об упокоении всех павших жертвами народных волнений последних дней. Так Поместный собор ответил на бесцерковное погребение убитых, устроенное большевистской властью 10 ноября 1917 года на Красной площади. Этим молебном Церковь хотела показать, что для нее равно «дороги души всех павших при междоусобной брани».

Потоки крови первых месяцев революции, неистовство новых правителей в борьбе с Церковью и верующими, незаконные по сути дела декреты — все это не могло оставить православных иерархов в роли безучастных наблюдателей. 11 марта 1918 года в храме Христа Спасителя состоялся молебен, в котором приняли участие патриарх Тихон, некоторые митрополиты и епископы. Проповедь произнес Харьковский митрополит Антоний (Храповицкий), в будущем известный деятель Русской Зарубежной Церкви. Была объявлена анафема всем еретикам, а также «глаголющим хульные на святую веру нашу и восстающим на святые храмы и обители, посягающим на церковные достояния». Владыка Антоний говорил, что народные массы «поддались губительному обману и ослеплению под влиянием либо людей нерусских, либо уголовных каторжников, которые ими руководили». Новые хозяева жизни приняли эти проклятия на свой счет и заявили, что Церковь предала анафеме советскую власть и большевиков. Тогда в 1918 году, храм Христа Спасителя превратился в центр духовного сопротивления, чего, конечно же, не могли простить ему Советы.

Но истины ради нужно сказать, что еще задолго до октября 1917-го в среде просвещенной, воспитанной на образцах западной культуры, заполонивших со времен царя Петра всю Россию, стало модным

Храм Христа Спасителя — подлинная сокровищница национального искусства

безудержно ругать попытки обращения к национальным формам и традициям. И после революции атеистической пропагандой высказывались и выпячивались негативные высказывания А.Герцена, В.Никольского, В.Стасова, Т.Шевченко. Язвительной критике подвергался и храм Христа Спасителя.

Подобное неприятие славного памятника и отчужденное отношение к нему очень точно выразил протоиерей храма Христа Спасителя, известный церковный деятель Александр Хотовицкий. «Как ни странно, — писал он, — но этот великий московский собор, замечательный памятник русского зодчества, создание национально-патриотического и художественного русского гения, благороднейший венок благодарного потомства на могилу славных борцов и героев, душу свою положивших за други своя и за землю свою в грозную годину Отечественной войны 1812 год, находится как бы в тени, в полужабении, и для ознакомления с ним русскому человеку почти ничего не дано. Вы легко найдете обильную литературу о том, что иногда не скажет ничего вашему русскому сердцу и художественному чувству, но вы не найдете у себя хорошие книги о своем сокровище, крае Москвы, храме Христа Спасителя. Здесь сокровищница творчества русского духа: русской архитектуры, живописи, скульптуры, техники, знания, здесь непревосходимая высота исполнения, и ни одного альбома, ни одного вдохновенного литературно-исторического труда...

Горько и до слез обидно! — восклицал Хотовицкий. — Обидно за тех, имена коих золотыми письменами начертаны на мраморных плитах по внутренним стенам храма Спасителя: за основателей и совершеннейших грандиозного дела создания этого храма и за тех, в честь которых он был основан и совершен. Обидно за Россию, — продолжал соборный протоиерей, — воздвигнув всему миру и грядущим векам в научение и восхищение величайшей храм-памятник, она не слышит от своих родных сынов вдохновенного слова о нем, она не видит его в родной печати своей, она более знает о нем из восторженных описаний чужеземцев, чем от русских людей, охотно слагающих увлекательные гимны в честь иностранных курортов и красот иноземной природы и просматривших чудный Храм Спасителя, родную свою красоту, словно солнышком обогревавшую и благословляющую сердце России — Москву...»¹.

Заметим, что эти проникновенные, взволнованные слова написаны в первый послереволюционный год, когда над храмом уже нависла невидимая пока опасность. Предвестием грядущей беды стало упразднение с 1 января 1918 года и без того небольшого штата служителей собора. В это смутное время при храме было создано братство Христа Спасителя, обратившееся с воззванием ко всему православному населению Москвы. На этом воззвании Свя-

тейший патриарх Тихон написал: «Прошу русских православных людей прийти на помощь храму Христа Спасителя и призываю Божие Благословение на жертвователей». Силами Братства и благотворителей было устроено временное электрическое освещение, организована читальня, появился народный церковный хор. Но шли месяцы, и с приближением зимы делалось ясно, что Братство и верующие не смогут обеспечить надлежащим образом ремонт храма, а главное — достать топливо, ставшее в годы революции невиданным дефицитом.

С другой стороны, научной общественностью был поднят вопрос о признании Христа Спасителя памятником искусства и старины. 24 сентября 1918 года на заседании Коллегии по делам музеев Наркомпроса был заслушан доклад члена коллегии архитектора И.Е.Бондаренко, предложившего взять храм под охрану. Мы не знаем подробностей обсуждения этой темы, но известно, что «большинством голосов постановлено: храм Христа Спасителя не представляет значительного памятника зодчества в целом, заключая же в себе скульптурные работы художников Рамазанова, Логановского, Толстого и др. живописные работы художников Сурикова, Репина и др., он подлежит ведению и охране Коллегии по делам музеев...». Но кто же принял это двойственное решение? На заседании присутствовали такие видные музейные деятели, как И.Э.Грабарь, И.Е.Бондаренко, Н.Б.Бакланов, В.А.Городцов, С.А.Детинев, Н.Г.Машковцев, М.М.Хуссид, Н.И.Троцкая. Известно и то, что на архивном экземпляре протокола имеется пометка: «Член коллегии В.А.Городцов остался при особом мнении, оценивая храм в целом как памятник искусства, заслуживающий внимательной охраны со стороны коллегии». Как видим, из столь изысканного общества специалистов лишь Василий Андреевич Городцов, археолог, профессор Московского университета, заявил о необходимости охраны храма как единого памятника. Но не будем чересчур суровы к другим членам комиссии. Преодолеть господствовавший среди искусствоведов оторванный от жизни эстетизм, тем более в условиях советской власти, было дано далеко не всем.

С наступлением холодов положение храма стало катастрофическим. Его знаменитым росписям угрожала гибель. В середине ноября 1918 года архитекторы музейного отдела объявили, что собор можно оставить на зиму без отопления, если закрыть его для богослужения. С таким решением не согласился строитель храма П.П.Поздеев, писавший в адрес музейного отдела, что «в случае неотопления помещения лопнут чугунные трубы и мелкие трубочки в теле Храма, а нежная живопись внутри потрескается, отпучится и опадет...»² Братство спешно организовало сбор добровольных пожертвований и благодаря этому уже в начале декабря смогло внести задаток в

Зимний пейзаж. Уют московской старины

12 тысяч рублей на покупку дров. И все же ни музейный отдел, ни обедневшая община были не в состоянии регулярно отапливать огромный храм в течение нескольких лет.

Известно, что нарком просвещения А.В.Луначарский в феврале 1920 года писал Н.И.Троцкой, заведовавшей тогда музейным отделом: «Прошу Вас немедленно и самым энергичным образом начать хлопоты об отпуске минимально необходимого количества дров для отопления храма Христа Спасителя, которому, как мне стало известно и как Вам может объяснить архитектор Поздеев, грозит неминуемая гибель в случае оставления его без дров...». Это срочное обращение А.В.Луначарский написал после отказа Президиума ВЦИК предоставить топливо собору³. Мы знаем также, что нарком отправил соответствующие письма В.И.Ленину и М.И.Калинину. Тем не менее за зиму 1919/1920 года в храме Христа Спасителя лишь несколько раз пытались затопить печи, температура опустилась до 0 градусов, хотя ежедневные богослужения в соборе не прекратились. В ходе обследования храма в первой половине 20-х годов уже было зафиксировано появление сырости и начало губительных изменений в красочном слое настенных росписей. Знаки упадка стали еще явственней в середине 20-х годов. Сокращение ассигнований на музейное дело и охрану памятников привело к тому, что храм Христа Спасителя, прежде находившийся в сети учреждений Главнауки и по-

лучавший определенные суммы на свое содержание, с 1923 года из этого списка был исключен и с тех пор состоял лишь на учете музейного отдела.

Изъятие церковных ценностей из храма Христа Спасителя в конце апреля 1922 года оказалось подлинной трагедией для сохранности этого уникального сооружения. Позволим привести длинное, но яркое заключение о значимости храма одного из самых авторитетных знатоков церковного искусства А.И.Анисимова, участвовавшего как эксперт в работе комиссии по изъятию ценностей: «Как весь храм, так и его внутреннее убранство, созданные по проектам архитектора Тона и видных художников того времени, являются наиболее полным и красноречивым выражением псевдорусско-византийского стиля и в изучении этого стиля имеют значение руководящего образца. Исследование русской культуры, поскольку оно ведется не только во всероссийском, но и в мировом масштабе, навсегда связано с храмом Христа Спасителя, как одним из наивысших достижений в области художественных исканий на протяжении целого полувека XIX века. Задуманный как памятник не только московский, но и всероссийский, храм Христа Спасителя был исполнен не только в главном, но и в мелочах как одно грандиозное целое. Он не слагался, как большинство русских церквей, из ряда последовательных наслоений, а был создан как единое целое и возник одновременно,

поэтому все убранство его — иконостасы, солеи, престолы и утварь, сосуды, Евангелия, хоругви, кресты есть часть этого единого органического целого и не может быть изъято без нанесения существенного ущерба всему памятнику. На всем пространстве РСФСР, — продолжал А.И. Анисимов, — при работах по изъятию церковных ценностей эксперты Главмузея отдавали предметы церковного убранства и обихода, современные и однотипные храму Христа Спасителя, считая, что они будут представлены в своем первоначальном образце, поэтому во избежание пробела в истории русского искусства сохранение этого единого памятника стиля исканий половины XIX столетия является необходимым»⁴.

Но не только такие крупные специалисты, как А.И. Анисимов и В.А. Городцов, понимали необходимость сохранения всего ансамбля памятника. Даже члены совета архитектурно-реставрационного подотдела Главмузея, возглавляемого откровенно не любившим «русско-византийский» стиль И.Э. Грабарем, признали, что архитектура, живопись и скульптура храма являются высокими образцами искусства.

Несмотря на подобные официальные признания ценности памятника, изъятием церковного имущества в апреле 1922 года был нанесен серьезный ущерб ансамблю. Накануне грабительской акции власти арестовали ключаря, настоятеля и ризничего храма Христа Спасителя. Всего в одиннадцати ящиках было вывезено более 34 пудов серебра. А ведь почти все серебряные богослужебные сосуды и различная церковная утварь — ризы, оклады Евангелий, кадила, лампы, венцы — были изготовлены специально для храма Христа Спасителя. Члены районной комиссии по изъятию ценностей вскрыли и опломбировали ящики, стоящие в коридорах храма. Оказалось, что в них хранилось в основном имущество походной церкви Александра I. Среди вещей в тринадцать ящиков обнаружили иконы, богослужебные книги, священнические облачения, живописные портреты царей, архив. Видимо, и эта чрезвычайно интересная коллекция была рассеяна и тогда же перестала существовать как единое целое.

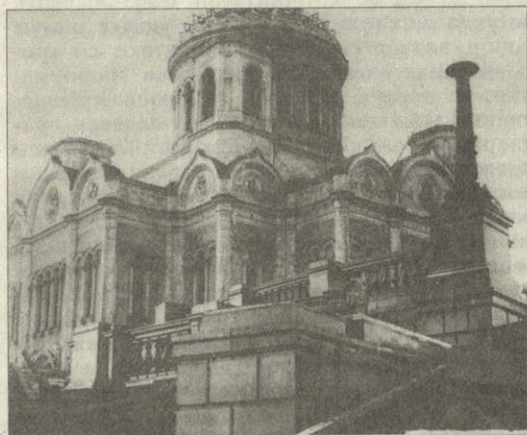
В 1922 году усилиями А.И. Анисимова и других музейных экспертов удалось сохранить от вывоза в Гохран некоторые предметы из храма Христа Спасителя: патриарший резной выносной крест XVII века с изображением двенадцати праздников, иконы Воскресения, Богоматери «Знамение», а также образы Св. Георгия Победоносца, Св. Кирилла Новозерского (оба XVII столетия), крест и потир начала XIX века и этого же времени Евангелие серебряной чеканной работы. Однако после изъятия ценностей мы уже не встречаем в церковных списках многих великолепных, стилистически выдержанных в одном ключе с храмом предметов. Речь идет о бесследно исчезнувшем, серебряном с эмалью престоле главного алтаря, дарохранительницах, хо-

ругвях — копиях хоругвей Нижегородского ополчения 1812 года, нескольких иконах в серебряных, украшенных эмалью уборах. Известно, что некоторые священные сосуды и ризы с чтимых икон, предназначенные к вывозу на переплавку, верующие пытались обменять на собранные ими полтора пуда серебра. Однако сделать это им не позволили, а собранное по крохам серебро в 1924 году по указанию П. Красикова было изъято в государственную казну⁵.

Главный православный храм России находился под пристальным вниманием центральных и городских властей. И когда внутри Православной Церкви появились обновленцы, власти сделали все, чтобы передать храм Христа Спасителя этим раскольникам. Но заигрывание с церковными реформаторами оказалось недолгим, и с конца 20-х годов собор стал все чаще подвергаться нападкам в печати. Журналы и газеты заперестали обращениями «трудящихся», которые призывали превратить храм Христа Спасителя в огромный физкультурный зал.

Однако особенно остро весь трагизм ситуации москвичи почувствовали, когда в июльских номерах «Правды» и «Известий» прочли о том, что на месте храма будет сооружаться вавилонская башня XX века — гигантский Дворец Советов. Замысел строительства этого архитектурного монстра восходит к 1922 году, когда и был объявлен конкурс на лучший проект здания. Но воплощение в жизнь самых химерных идей стало возможным лишь в конце первой пятилетки. В 1931 году были созданы Совет строительства Дворца Советов при Президиуме ЦИК СССР, Управление строительством Дворца и специальный Временный технический совет. Первоначально возводить Дворец решили на территории Охотного ряда, ограниченной Тверской улицей, Георгиевским переулком и Большой Дмитровкой. Естественно, предполагался снос всех зданий, находившихся на этом участке. Вскоре появился и другой вариант: планировочно-земельный отдел МКХ предложил для строительства Дворца Зарядье — территории между улицей Ногина, Китайским проездом и набережной Москвы-реки. В мае 1931 года на заседании Временного технического совета было вынесено еще одно предложение — возвести Дворец на месте храма Христа Спасителя. Однако подобный вариант оставил специалистов совершенно равнодушными, и члены совета проголосовали против него⁶. И вот эта, казалось бы, бесперспективная идея неожиданно, при не совсем ясных обстоятельствах, в конце июня — начале июля 1931 года нашла поддержку у высшей власти.

Архитекторы и проектировщики еще пытались доказать нежелательность сооружения Дворца на Волхонке. Так, в записке от 4 июля 1931 года, посланной на имя начальника строительства Дворца Советов, указывалось, что проект Б. Иофана, разработанный для Охотного ряда, «объединяет в

5 декабря 1931 года,
черный день в нашей истории.
Время «разбрасывать камни» —
началось

одно целое систему центральных площадей — Красную, Революции, Свердлова и Охотного ряда. А главное, — писал оставшийся неизвестным автор, — храм Христа Спасителя по своему масштабу значительно лучше, чем Дворец, вписывается в имеющуюся площадку, и золотой купол его для общего архитектурного оформления Москвы имеет выдающееся... значение»⁷.

Но, видимо, все уже было решено. Известно, что еще 16 июня 1931 года на заседании комитета по делам культов при Президиуме ВЦИК, проведенном под руководством П.Смидовича (заместитель председателя Президиума ВЦИК), рассматривался вопрос «О ликвидации и сносе храма Христа Спасителя в г. Москве». Резолюция была лаконичной и однозначной: «Ввиду отвода участка, на котором расположен храм Христа Спасителя, под постройку Дворца Советов, указанный храм ликвидировать и снести. Поручить Президиуму Мособлсполкома ликвидацию (закрытие) храма произвести в декадный срок и представить общине верующих и Синоду соответствующее постановление. Ходатайство хозяйственного отдела ОГПУ о срывке золота и ходатайство строительства Дворца Советов и передаче строительного материала внести на рассмотрение секретариата ВЦИК»⁸.

Храм Христа Спасителя, как некогда и Тот, во славу которого он был освящен, вступал на свою Голгофу. По указке свыше собор подвергся невиданной атаке со стороны практически всех средств информации, в первую очередь центральных партийных и советских газет. Тон задавал придворный поэт Демьян Бедный. То, в чем прежде видели предмет восхищения и поклонения, теперь характеризовалось как раболепие, безвкусица, вредительство — такова была фразеология нигилистической власти. Пожалуй, главным обличителем храма стал двадцатидевятилетний Борис Кандидов, сделавший карьеру именно на воинствующем атеизме. Ему, написавшему уже несколько атеистических книг и бывшему одним из организаторов Антирелигиозного музея, поручили возглавить «научный» поход против храма. Огромным по тем временам тиражом в 50 тысяч экземпляров в 1931 году была отпечатана его брошюра «За Дворец Советов», названия глав которой говорили сами за себя: «Ложноисторическая ценность храма Христа Спасителя», «Сказки о художественной ценности храма Христа Спасителя», «Храм Христа Спасителя на службе контрреволюции». По Кандидову, «храм Христа Спасителя был построен в память русско-французской войны (так именуется Отечественная война. — В.К.) для прославления представителей эксплуататорских классов, культа милитаризма и шовинизма»⁹. Маститый сей атеист обвинил «военно-монархический памятник» и в том, что в нем проходил Поместный Собор, на котором состоялось избрание Патриарха. Досталось храму и за выступление под его сводами митрополи-

та Антония, и за организованное Братство. Собор представлял «идеологической крепостью старого проклятого мира» и в любом случае должен был быть снесен.

Между тем пока кандидовы готовили общественное мнение, с июня 1931 года архитекторы начали примерять свои проекты к площадке, где стоял храм. С 15 июля предполагалось приступить к разборке здания. Июлем датируются документы, связанные с подготовкой к взрыву собора. Специалисты из «Взрывсельпрома», учтя в своих расчетах и более чем стометровую высоту храма, и полутораметровую толщину стен, и количество кирпича в кладке (40 млн. штук), по составленной смете потребовали для взрывных работ семь тысяч килограммов аммонала, почти полторы тысячи электродетонаторов и капсулей, прочее оборудование. Приведем лишь одну, леденящую своим деловым бесстрашием цитату: «Вначале взрываются стены, а потом пилоны, последние взрываются в два приема, первый — когда взрывается часть пилона на высоте пролетов под куполом, т.е. на отметках 40 метров, и второй, когда взрывается остальная часть»¹⁰.

Когда стало ясно, что храм обречен, зашевелились и музейные работники. Правда, тщетно искать в протоколах ЦГРМ за 1931-й год следы обсуждения того, насколько разумна готовящаяся акция, и тем более не обнаружить резолюций, подтверждающих «высокую историко-художественную ценность храма». Лишь в ноябрьских записях промелькнуло несколько стыдливых строчек о необходимости охраны снятых с храма горельефов. Теперь уже никто не вспоминал собственные же заявления десятилетней давности. Зато твердо помнили изреченное Кандидовым предупреждение власти имеющих: «Тайные и явные белогвардейцы жалеют камни прошлых лет. Им дороги эти камни, потому что на храмы, синагоги, церкви они возлагают немало надежд как на орудие восстановления их бывшего могущества, власти и богатств»¹¹. Так что ни одна государственная организация официально не посмела высказаться в защиту храма. Музейщики и реставраторы могли лишь организовать спасение части скульптурного убранства собора. Сохранилось несколько протоколов «Экспертной комиссии Наркомпроса РСФСР по изъятию ценностей бывшего храма Христа Спасителя», датированных августом 1931 года. На заседаниях этой межведомственной комиссии присутствовали представители многих известных организаций — от сектора Наркомпроса (Вольтер, он же председатель), от ЦГРМ (Лещинская, Померанцев, Богословский), от ГТГ (Некрасов, Лебедев, Лясковская), от Антиквариата (Колодный). Эти и другие специалисты в середине июля 1931 года осматривали обреченный собор «в целях определения художественной музейной ценности скульптурных украшений храма для сохранения минимального количества образцов таковых».

«Смертию смерть поправ...»

Из праха восстал храм, в нем снова слышен
голос патриарха

Что же решили сохранить для потомства шесть десятилетий назад?

Первоначально намеревались «снять все горельефы (группы), из которых некоторые, имеющие художественное значение (например, победа Давида над Голиафом, благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского и др.) передать в ГТГ, Русский музей и Антираелигиозный музей искусств (Донской монастырь), а остальные предложить за границу на валюту, причем целесообразно вырезать целый портал с дверью и скульптурой». Внутри храма предполагалось снять «Тайную вечерю» Семирадского, шесть картин Верещагина, дублированных на холст четыре картины Сурикова, четыре картины Сурикова. Было также предложено «сохранить ... часть иконостаса и клиросы... передать в Третьяковскую галерею или обменять на валюту» люстры, паникадило, оставить по одному фрагменту решеток каждого вида, остальные же использовать как цветной металл. В Оружейную палату решено было отправить резные, обложенные серебром посохи патриархов Никона и Филарета, семь нашитых на саккос серебряных дробниц с изображением святых, две иконы XVIII века, три саккоса XVII–XVIII веков, ГИМу передавались две бронзовые доски с проектами храма Витберга, в Третьяковскую галерею — эскизы и проекты собора, музею в Коломенском — деревянные резные двери.

Члены комиссии сошлись на том, что из ранее отобранных картин Семирадского и Сурикова можно ограничиться снятием полотна Семирадского «Выбор веры» и живописной композиции Сурикова «Четвертый Вселенский Собор». Более благосклонно специалисты отнеслись к стенописи Верещагина: сохранению подлежали «Поклонение пастухов», «Благословение Дмитрия Донского Сергием Радонежским» и еще несколько фрагментов. Кстати, та же комиссия «вследствие дороговизны» отклонила проект известного скульптора В.И.Домогацкого о создании в Донском монастыре специальной экспозиции скульптур, снятых с храма Христа Спасителя¹².

Так или иначе, сами представители Наркомпроса, центральных музеев и реставрационных мастерских сочли необходимым спасти от гибели лишь мизерную часть убранства величественного сооружения, которое незадолго до этого было решено охранять как цельный ансамбль.

А между тем разрушение святыни шло полным ходом. Архитектор П.С.Касаткин, осматривавший храм 21–22 августа, отметил, что церковная утварь была уже полностью вывезена, а мебель — шкафы, тумбы, скамьи — стояла под открытым небом на площадке близ собора. Работы велись поспешно, грубо выламываемые плиты пола, сложенного из голубого мрамора, лабрадора, красного порфира, были испорчены. Листы железа и меди сбрасывали с крыш, падая, они разбивали горельефы нижнего пояса. К

снятию скульптур и живописи реставраторы приступить не могли, так как средства на это не выделялись. Лишь в конце августа — начале сентября рабочие и реставраторы принялись спасать от неминуемой гибели некоторые горельефы и фрески. К концу сентября были сняты картины Сурикова и Семирадского на хорах¹³, обширный горельеф Логановского «Благовещение Дмитрия Донского Сергием Радонежским», фигура святого воина Георгия работы скульптора Клодта. Отправлены были в ГИМ и медные доски с проектами храма архитекторов Тона и Витберга¹⁴.

К сожалению, денег на перевозку в Донской монастырь горельефов и скульптурных групп не нашлось, и неистовствующие хулиганы расправлялись с ними на свой лад — отбивали руки, уродовали лица...

Наступила московская осень с ее последними солнечными прозрачными днями, золотым листопадом. Осень пришла и к величественному собору, воздвигнутому, казалось бы, на века. Позвали по телу Храма рабочие, пытались сорвать каменное и сверкающее золотом одеяние. Летели вниз листы обшивки крыши и куполов, был сброшен и крест, который, однако, застрял в оголенном каркасе купола. Затем принялись резать и саму арматуру. Как вспоминают очевидцы, многие плакали и крестились, наблюдая за бессмысленной гибелью символа национального возрождения России. Но те, кто мог как-то повлиять на судьбу храма, молчали. А.В.Луначарский, один из образованнейших людей своего времени, когда-то в знак протеста против обстрела Кремля чуть не ушедший с поста наркома и затем хлопотавший перед Лениным о дровах для храма Спасителя, с 1929 года был уже не у дел. В 1933 году, незадолго до смерти, Анатолий Васильевич решил поделиться в журнальной статье своими мыслями о социалистической архитектуре. Воспоминания роковой 1931 год, бывший нарком писал: «Когда задумали снести храм Христа Спасителя, являвшийся из-за своей массивности и золотого купола своего рода собирательным пунктом при взгляде на Москву издали... то это было сделано не только потому, что здесь нашли наилучшее место для необходимого нам гигантского Дворца Советов... но и для того, чтобы дать Москве некоторое завершающее здание, чтобы дать Москве — красному центру мира — зримый архитектурный центр»¹⁵. Восхищение этого действительно тонкого ценителя искусства вызвал и иофановский проект Дворца Советов. Остается добавить, что вряд ли А.В.Луначарский первых лет революции узнал бы себя в подобных высказываниях начала 30-х!..

Приближалась зима, все чаще холодные дожди поливали беззащитный храм, лишенный кровли и куполов. Высшее руководство подгоняло прорабов и мастеров, а те оправдывались тем, что среди рабочих крайне велика текучка, они почему-то не хотят задерживаться на этом зловещем объекте.

Приближалась развязка. Взрывники торопили рабочих. Те же пытались напоследок выломать наиболее ценную отделку из камня, в изобилии украшавшую интерьер храма. В архиве сохранилась «Книга учета материальных ценностей храма Христа Спасителя за 1931 год». Это толстое полуторасотлистое дело — по сути, обвинение тем, кто задумывал и осуществлял сломку собора. Да и в растаскивании его руин приняли участие многие десятки весьма известных и уважаемых организаций и учреждений. Листовую медь и железо отдали транспортному отделу Моссовета, «лесной материал» (т.е. деревянные конструкции) — Третьяковской галерее и ХОЗО ЦИК СССР, кирпич поделели между Моснабсбытом, Институтом В.И.Ленина, Командатурой, Микробиологическим институтом и каким-то гаражом... Плиты итальянского мрамора красного и белого цвета решили отдать на отделку библиотеки им. В.И. Ленина¹⁶. Но больше всего повезло музею Института минералогии, куда были переданы плиты итальянского черного и красного мрамора, прекрасные разноцветные мраморные колонки, часть соборной мебели. Не забыли и Химический институт имени Л.Я.Карпова, которому досталось немало весьма дорогого камня. (Видимо, в этом случае получить лакомый кусок помог сам отец проекта Дворца Советов Борис Иофан, построивший в 20-х годах несколько корпусов этого института.) Ценным имуществом храма поживилось даже Общество старых большевиков. Правда, Управление строительством одарило его лишь «ступенями старого камня». «Книга учета» утаила лишь адрес получателя «алтарного мрамора» и «камня порфира», но сегодня мы знаем, что великодушный алтарь, как, впрочем, и некоторые предметы интерьера, были проданы Антиквариатом за рубеж.

Утром 5 декабря 1931 года на обширной территории храма, обнесенной забором, остались только саперы, в последний раз проверявшие готовность взрывных устройств. В полдень раздался первый взрыв. В течение следующих 45 минут были взорваны заряды под всеми пилонами. Итак, всего один час потребовался для разрушения святыни, которая возводилась полстолетия на деньги, собранные по всей России. Не будем еще сильнее травмировать читателя подробным описанием взрыва — об этом и о том, как простые москвичи восприняли уничтожение храма, в последние годы написано достаточно. Но удивительное совпадение: ровно через пять лет власти объявили день гибели храма, 5 декабря, праздником в честь новой Конституции.

После взрыва на месте собора образовалась гигантская гора из кирпича, мрамора и арматуры, а над грудой обломков возвышались два огромных, чудом сохранившихся пилон. До мая 1932 года бетоноломами и с помощью взрывов крушили своды коридоров и подвалов. А ведь еще предстояло разобрать восьмиметровый фундамент храма Христа Спасителя, старинную церковь

Символ нашего покаяния

Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове, стоявшую рядом с храмом Христа Спасителя, а также постамент уничтоженного памятника Александру III.

Живым укором современникам стали горельефы и фрагменты росписей исчезнувшего храма, вывезенные на территорию Донского монастыря. Еще в ноябре 1931 года, по свидетельству реставраторов, все было «сложено в беспорядке на землю с отбитыми и отломанными частями. Живопись также находится под открытым небом». Прошло еще почти два года, и реставраторы вновь писали в Наркомпрос о том, что условия, в которых оказались спасенные памятники, губительны для них.

«Пребывание фресок под открытым небом без охраны, — в частности указывали они, — постоянно производящееся расхищение их в дальнейшем приведет к их окончательному исчезновению»¹⁷. Несмотря на эти утраты, горельефы и фрагменты живописи были сохранены. Правда, и сегодня на скульптурах, установленных у стены Донского монастыря, можно заметить следы их долгого пребывания без призора.

...Понадобилось больше шести десятилетий, чтобы Россия очнулась от тяжело богоотступнического сна и принялась собирать разбросанные камни: вновь над Москвой парит золотой купол храма Христа Спасителя — символ нашего покаяния.

Примечания

¹ Храм Христа Спасителя в Москве // Предисл. протоиерея А. Хотовицкого. М. 1918.

² ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-1, д. 242, л. 9-43.

³ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-1, д. 242, л. 69.

⁴ ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 6, д. 8, л. 53.

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 6, д. 8, лл. 2-6, 49, 53, 68.

⁶ Эйгель И. К истории построения и сноса храма Христа Спасителя // Архитектура и строительство Москвы. 1988. №7. С. 30-33.

⁷ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-169, оп. 1, д. 2, л. 7-8.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5263, оп. 1, д. 9, л. 25. Текст постановляющей части зачеркнут красными чернилами.

⁹ Кандидов Б. Духовенство храма Христа Спасителя в борьбе против Октябрьской рево-

люции // Антирелигиозник. М.; Л., 1931. №9. С. 95.

¹⁰ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-694, оп. 1, д. 7, л. 3-11.

¹¹ Кандидов Б. За Дворец Советов. М.; Л. 1931. С. 16.

¹² ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-694, оп. 1, д. 1-9.

¹³ Вместо первоначально планируемых 90 м² фресок реставраторам и их помощникам студентам удалось снять лишь 13 м² стенописи.

¹⁴ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-694, оп. 1, д. 9, л. 10, 11.

¹⁵ Луначарский А. В. Социалистический архитектурный монумент // Строительство Москвы. 1933. №5, 6. С. 4.

¹⁶ ЦГАОР г. Москвы, ф. 694, оп. 1, д. 8, л. 1, 149.

¹⁷ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-1, д. 242, л. 105.